

ШУТОЧНЫЕ БАСНИ И. А. КРЫЛОВА КАК ФОРМА ЛИТЕРАТУРНОЙ ПОЛЕМИКИ

Е. А. Лукьянович

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

В статье характеризуется специфика шуточных басен И. А. Крылова как формы литературной полемики в России начала XIX века. Называются причины, почему в литературных спорах и экспериментах басня стала и предметом, и средством полемики между отечественными литераторами конца XVIII – начала XIX вв. Основное внимание обращается на литературную полемику между И. А. Крыловым и Д. И. Хвостовым.

Ключевые слова: *литературная полемика, шуточная басня, пародия, жанровый критицизм басни, басня как традиционный жанр, полемизм шуточных басен.*

Басни И. А. Крылова считают лучшими в русской литературе – оценка, пересмотру не подлежащая. Однако сочинения писателя «Осёл и заяц», «Паук и Гром», «Комар и волк», отнесённые к разряду «шуточных» и не предназначенные для широкого круга читателей, остаются малоизученными. Между тем своеобразие и полемическая направленность данных текстов делают возможным исследовать их как своеобразную «лабораторию» и «селекцию» жанра басни. Механизм литературного и жанрового развития выявляется в этом случае отчётливее и точнее, а осмысление литературной и этической позиции Крылова – глубже.

Впервые опубликованные В. В. Каллашем в «Известиях ОРЯС Академии наук» (1904 г., т. IX, кн. II, стр. 289–291) и одновременно Л. К. Ильинским в «Русской старине» (1904 г., март, стр. 553–556), эти басни сохранились в списке, сделанном В. А. Олениной, с собственноручными поправками Крылова. Вверху первого листа пометка Олениной: «Шуточные басни И. А. Крылова в Приютине» [1, с. 525].

Эта пометка позволила определить и характер басен, и обстоятельства их написания: по-видимому, написаны они были в десятых годах в Приютине на даче Олениных, вблизи Петербурга, где часто и подолгу в летнее время гостил Крылов и где собирался оленинский кружок [1, с. 525], специфической чертой которого П. Н. Сакулин называет «среднюю позицию между воюющими сторонами: ложноклассиками и сентименталистами» [2]. Дом А. Н. Оленина, как известно, был «нейтральной почвой», на которой сходились люди противоположных воззрений. В салон входили Державин, Шишков – и Карамзин, Жуковский, Батюшков, Крылов, Озоров, Гнедич, Капнист, а позже А. С. Пушкин с друзьями – по определению Б. А. Успенского и Ю. М. Лотмана, «люди, принадлежавшие культуре вчерашнего и завтрашнего дня» [3].

В России конца XVIII – начала XIX вв., в пору рефлексивного традиционализма, происходил слом художественных систем и установившегося мировоззрения; в литературе этого времени велись интенсивные поиски альтернативы. Существовавшая до этого каноническая культура, требовавшая жанрового мышления, стала деформироваться, поскольку «мерой смысла и ценности любых явлений стала земная жизнь» [4]. Плюралистичность идейно-эстетических позиций вкупе со сложившейся культурой литературных кружков и обществ обусловили одну из главных тенденций развития литературной мысли тех лет – предельную полемичность. И важнейшее место в литературных спорах и экспериментах заняла в силу сложившейся тенденции басня, которая стала и предметом, и средством полемики.

Это вполне закономерно, поскольку, как показывает изучение истории этого древнейшего жанра, басня долгое время была риторическим приёмом, склонявшим слушателей к тому или иному решению. А. А. Потемкин подчёркивал важную роль басни как средства убеждения: «там, где дело идёт о вещах вовсе не шуточных – о судьбе человека, человеческих обществ, где не до шуток и не до празднословия» [5, с. 56–57]. Кроме того, басня по формальным признакам – один из самых консервативных жанров, что определяет её особое положение среди других литературных произведений. Наконец, жанровые особенности басни как сатирического жанра обнаруживают тот необходимый потенциал дискредитации чужой позиции и утверждения собственной, который необходим в условиях литературных противостояний.

Оказавшись в самом средоточии литературной жизни, И. А. Крылов являлся членом нескольких литературных объединений. Близко сойдясь с А. А. Шаховским, регулярно посещая литературные вечера Державина–Шишкова, Крылов занимал особое место в семействе А. Н. Оленина. В оленинском кружке сложился своеобразный культ Крылова, которому противопоставлялся его неудачливый «соперник» Д. И. Хвостов, чьё творчество к началу XIX столетия стало предметом всеобщих насмешек. Над Хвостовым смеялись без различия направлений, симпатий, вкусов и принадлежности к литературным обществам: и в «Беседе любителей русского слова», ревностным членом которого он был, и, несколько позднее в «Арзамасе», и в салоне Олениных. Причиной многочисленных сатирических выпадов против Хвостова был консерватизм общественной позиции, архаизм стиля и языка, усилия, прилагавшиеся графом для многократных изданий и распространения своих сочинений. Особенную роль в литературной репутации Хвостова сыграла его книга «Избранные притчи из лучших сочинителей российскими стихами». Так, в кружке Олениных «был издан закон, что, кто уж слишком много глупого скажет, того тотчас заставить прочесть басню Хвостова: а смысл басни этой прочесть в предыдущей басне» [6, с. 49].

Приверженец архаического типа «эзоповской», дидактической и «неукрашенной» басни (теория басни сформулирована им в специальном послании «О притчах» (1814), Хвостов не мог принять манеру «дмитриевского» направления баснописания. Он подчёркивал, что получившие распространение у современных писате-

лей изящный рассказ, остроумный и фривольный сюжет, лёгкий стиль разрушают басню как жанр, поскольку не соответствуют серьёзной моральной цели. Ретроспективность исходной посылки о басне как нравственной аллегории, моральном апологе, вытекавшая из абсолютизации морально-дидактического содержания в ущерб логике и гармонии эстетического решения, вполне согласовывалась с требованием «естественной нравственности», а не «натуральной истории». Существо этого приёма разъяснил сам Хвостов, прокомментировав строки своей басни «Ворона и сыр»: «Ворона несла сыр “в губах”, а когда запела, то “пасть” разинула. Пускай учитель натуральной истории скажет, что у вороны рот или клёв. Пасть только употребляется относительно зверей, но я разумеваю здесь в переносном смысле широкий рот и рисую неспособность к хорошему пению. Простолюдины говорят про человека: “Эк он пасть разинул”» [10, с. 149–153].

Полемизм «шуточных» басен Крылова усилил кажущуюся значимость ложной идеи, и, «соревнуясь» в её уточнении, баснописец «удвоил» усилия в преодолении «нормативной» поэтики главным образом через пародийное обыгрывание «хвостовской» манеры, его логической, словесной и ритмической техники.

Замечательный пример тому – пародирование самого принципа построения басенного жанра как такового – басня И. А. Крылова «Комар и волк». Открытый дидактизм вопреки логике и вкусу, свойственный басням Хвостова, находит здесь соответствующее жанру выражение: *волк кусает комара (!)*, проглотил, отсюда следует вывод: «сильный слабого недавно погубил». Так как сама ситуация совершенно комична, то заключающий басню вывод и тот, кто его произносит, предстают перед нами в смешном, нелепом виде. Нарушается один из важнейших принципов классицизма, когда содержание должно было соответствовать форме. Форма басни соблюдается достаточно точно, только иллюстрирующий традиционную мораль сюжет и пафосный вывод комически сталкиваются. Поэтому и сам жанр не может восприниматься серьёзно.

Комическая демонстрация неприемлемых крайностей притч Хвостова обнаруживает сущность проблемы: оппозиционные противопоставления в литературе того времени. «Принципиальная полемика, – пишет В. Э. Вацууро, – материализовалась в антитезе «Дмитриев – Хвостов», «талант и бездарность» [8]. В условиях назревавшей полемики, пишет учёный, проясняя историю и обстоятельства публикации первых басен И. А. Крылова, «искушённый в тонкостях журнальной борьбы, Крылов, конечно, прекрасно понимал ситуацию; своим обращением к Дмитриеву он заявлял себя не только его последователем, но и сторонником, причём в очень острый момент. Демонстративная поддержка его Дмитриевым также была не только актом литературного признания, но и актом журнальной дипломатии и тактики: в журнале Дмитриева появлялось достаточно известное литературное имя, а басни Крылова, написанные «по Дмитриеву», противостояли, конечно, не басням «учителя», а литературной продукции его антагонистов» [8].

Иными словами, избирая особый путь развития русской басни, Крылов в начале своего поприща баснописца не мог не учитывать и не использовать, пусть и умеренно, новаторский опыт И. И. Дмитриева, коему был «обязан» указанием на «продуктивный» путь творчества¹. В соответствии с указанными обстоятельствами, по-видимому, и создаются «шуточные» басни Крылова с их подчеркнутой полемичностью, характерным «распределением ролей», принципами взаимодействия участников и эмоциональным тоном общего литературного противостояния. Хотя существовали определённые предпосылки для выражения непосредственно личной «неприязни» «*будто неотёсанного чурбана*», «*Зоила Крылова Ивана*» [9, с. 22], по отношению к «*Графову*» шуточные басни Крылова имели характер литературно-полемической программы. Эта тенденция очевидна в эпиграмме Крылова на хвостовский перевод «Поэтического искусства» (1808 г.); Крылов выведен под именем Обжоркина в послании Хвостова к Дмитриеву (1811 г.). Соотнесённость с соответствующими деталями определяла направленность и характер полемического выступления русского баснописца, задавала канву его «шуточных» басен.

Так, в басне «Паук и Гром» читаем: *Перед окном / Был дом, / Ударил гром, / И со стены Паук / Вдруг стук, / Упал, лежит, / Разинул рот, оскалил зубы / И шёпотом сквозь губы / Вот что кричит: / «Когда б ослом / Я создан был Зевесом, / Ходил бы лесом, / Меня бы гром, / Тряся окном / И дом, / Со стены не мог стряхнуть». / Нас чаще с высоты стараются соннуть* [1] (выделено мной – Е. Л.). Следуя поэтике басенного жанра, Крылов вводит образ-маску – Паука, описание которого немедленно актуализирует хвостовские нелепицы: «*Паук вдруг стук, разинул рот, оскалил зубы и шёпотом кричит...*».

Если учесть, что «зубастый голубь» Хвостова вызывал усмешку у многих (над баснями гр. Хвостова потешались «арзамасцы», Пушкин и Вяземский), то ирония пародиста очевидна: языковая несообразность столь очевидна, что «кричит» о словесной неуклюжести, свойственной незадачливому литератору. Крылов намеренно, для создания комического эффекта, сочетает слова различной стилистической окраски, совершенно в свойственной Хвостову манере, произвольно обращается с ударениями, законами словообразования: «скакает», «орлиха».

Не упустил внимательный Крылов-читатель и другую особенность хвостовских притч. М. Амелин справедливо указывает, что «у Хвостова животные постоянно совершают мгновенные действия, для обозначения кото-

¹ По рассказу М. Е. Лобанова, приехав в Москву в 1805 г., Крылов принес Дмитриеву свои басенные опыты; Дмитриев приветствовал их словами: «Это истинный ваш род, наконец вы нашли его». С незначительными вариациями рассказ этот повторяют и другие мемуаристы, добавляя, что Крылов под воздействием уговоров Дмитриева преодолел свое отвращение к басенному «роду» и стал писать басни систематически. Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. СПб., 1847. С. 48. Ср.: Плетнёв П. А. Сочинения и переписка. СПб., 1885. Т. 1. С. 344; Т. 2. С. 66; Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. С. 116–117. Свод свидетельств см.: Каллаш В. В. И. А. Крылов: Биографический очерк // Крылов И. А. Полн. собр. соч. СПб., 1904. Т. 1. С. LX.

рых поэт использует усечённые отглагольные формы» [10]. Крылов подмечает эту свойственную незадачливому поэту черту, утрируя ее: «вдруг – стук» («Паук и Гром»), «в яму – хлоп» («Орёл и Заяц») и др.

В духе Хвостова выдержано в басне Крылова и «неожиданное» желание Паука стать Ослом! Комический эффект рождается в двух планах: по словам Паука, осёл «претендует» на звание «сильного» мира сего, а, с другой стороны, заключительная реплика: «*Нас чаще с высоты стараются соннуть*» – словесно-речевое саморазоблачение автора-моралиста явственно обращает читателя к личности самого Хвостова, которого ничуть не смущали многочисленные нелестные отзывы о его творчестве. Сам граф считал себя поэтом от Бога, являя классический пример превратной самооценки. Осёл у Крылова, по-видимому, неслучайно «создан Зевесом», и гром его «со стены не может стяхнуть». Похоже, речь идёт о самом графе. «*Не суйся в ризы, коль не поп!*», – умищает Хвостова мудрый Крылов и в другой шутильной басне, где в качестве главного героя опять же фигурирует Осёл («Осёл и заяц»). Примечательно, что внимательное прочтение этой басни «обнаруживает» наличие узнаваемой «реплики»: «осёл рычит», которая, по-видимому, «восходит» к образу «завнавшегося Осла» из басни И. И. Дмитриева «Осёл и Кабан»: *Не знаю, отчего завнавшийся Осёл / Храбрился, что вражду с Кабаном он завёл, / С которым и нельзя иметь ему приязни. / Что мне Кабан! – Осёл рычал. / – Сейчас готов с ним в бой без всякия боязни!* / – «Мне в бой с тобой? – Кабан с презрением сказал. / – Несчастный! Будь спокоен: / Ты славной смерти недостоин» [11, с. 105].

Аналогия столь разительна, что вывод напрашивается сам собой: в системе эстетико-литературных пристрастий Дмитриева – Крылова Хвостов «сливался» с образом Осла. Примечателен в этом отношении точечный «выпад» Крылова, основанный на игровом использовании фонетического созвучия: *Осёл не птица, / Он не горазд летать, / Однако ж для него не в первый раз хваста?ть... – ...[Хвасто]...в* (выделено мной – Е. Л.)

Вариации «ослиного» образа Хвостова могли быть генерированы известной притчей последнего «Осёл и рябина», являвшей собой бесподобный пример хвостовского алогизма, нелепых сравнений, путаных инверсий, «уволненного» чувства языка: «*Ослиной головой мотает / И крепко лапами за дерево хватает; / Ползёт – / И дерево грызёт. / Цепляется ногами...*» (1802).

«Природа» здесь является «навыворот»: на рябине – орех, осёл вдруг становится ослицей, что вовсе не мудрено, если у осла лапы, с помощью которых он «ползёт», «трансформируются в цепляющиеся ноги»; червяк – «искусно лапкой загребаёт», а змей – «плечист». Переходы от мысли к мысли, от образа к образу немотивированны, случайны.

Объяснение подобных нелепостей кроется не только в бездарности «российского Эзопа» (Ив. Ив. Дмитриеву присвоили в Москве название русского Лафонтена), и А. А. Беклешов успокаивал Хвостова, называя «нашим Эзопом») [9].

Для его теории басни это были второстепенные детали. Столкновение творческих принципов Крылова и Хвостова в том и заключалось, что в пору вторжения реальности в литературу последний оставался к этой реальности совершенно равнодушен, тогда как у первого реалистичность – главенствующая черта.

Таким образом, «шуточные» басни Крылова как форма полемики замечательно характеризуют не только литературную позицию писателя, но и отражают общий пафос периода литературного развития в России 1800–1820-х гг. – пафос поиска и диалогической множественности художественных систем.

Библиографический список

1. Крылов, И. А. Полное собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3. / И. А. Крылов. – М.: ГИХЛ, 1964.
2. Сакулин, П. Н. История новой русской литературы: Эпоха классицизма / П. Н. Сакулин. – М., 1918.
3. Лотман, Ю. М. Проблемы языка в свете типологии культуры. Бобров и Макаров как участники языковой полемики / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство, 2002. – 768 с.
4. Михайлов, А. В. Судьба классического наследия на рубеже 17–18 вв. / А. В. Михайлов // Классика и современность. – М.: Наука, 1991. – С. 149–164.
5. Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности / А. А. Потебня. – М.: Высшая школа, 1990. – С. 90–97.
6. Степанов, Н. Л. Крылов. Биография и мемуары / Н. Л. Степанов. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 72 с.
7. Поэты 1770–1810 гг. / Вступительные заметки, биографические справки и примечания М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. – Л.: Советский писатель, 1971. – 430 с.
8. Вацуру, В. Э. И. И. Дмитриев в литературных полемиках начала XIX века / В. Э. Вацуру // Пушкинская пора: сборник статей. – М.: Академический проект, 2000. – С. 9–54.
9. Жихарев, С. П. Записки современника / С. П. Жихарев. – М.: АН СССР, 1955.
10. Амелин, М. Граф Хвостов: писатель и персонаж / М. Амелин. – URL: http://ruslit.com.ua/russian_classic/hvostov_di/maksim_amelin_graf_hvostov_pisatel_i_personaj (дата обращения: 25.02.2014).
11. Дмитриев, И. И. Полное собрание стихотворений / И. И. Дмитриев; составление, вступительная статья и комментарии Г. П. Макогоненко. – Л.: Советский писатель. – 1967.

© Лукьянович Е. А., 2014